

СЕЙЧАС ЕЕ трудно представить вздерошенной девушкой, которая ехала в трамвае домой и твердила про себя растерянно-восторженно: «Приняли! Приняли! Приняли!»

Своего первого выступления Елена Образцова не помнит, ведь лучшая сцена, лучший оркестр, сложнейшая опера Мусоргского «Борис Годунов» — партия Марины Мишешек...

«Мне все мешало: грим, освещение, платье с длинным хвостом, парик, наклеенные

кровский: «Готовит роль не по сколкам прошлого, но по собственному ощущению. Существуют два типа артистов. Одни не прячутся за спину режиссера, партнеров, дирижера — им все интересно самим. Другие больше рассчитывают на товарищев. Образцова из первых».

Ее камерное пение — моно-театр высокого класса.

Ее удел — «трепетать самой и заставлять трепетать других». Вот почему самого неуклюжего слушателя задронит и «Тонадилья» Грана-

дешие в ожидании своего выхода, вдруг одновременно перестали шептаться и, как по команде, застыли, устремив все свое внимание туда, на сцену...

Елена Образцова — прежде всего оперная певица. За десять лет работы в театре спела восемнадцать партий, почти весь mezzo-сопрановый репертуар.

Над Кармен думала восемь лет: «Хотелось спеть по-своему, как чувствует душа». Много взяла у Майи Плисецкой, которая создавала образ,

дешие. Девчонка-подросток, смешливая, неуклюжая, с писклявым голосом. Пройдя через войну, горе, она превращается, перерастает в убежденного человека, гражданина...

Что помогает Образцовой? Прежде всего увлечение музыкой: «Мы все одержимы, без музыки не можем жить». Самый любимый композитор — Рахманинов. Когда была на Валдае, в унисон бесконечным озерам, просторам, колышущейся ржи, синим лесам постоянно звучала его музыка. А вот Чайковского, «черного, нет скорее фиолетового», «нашла» после недоуменных переживаний — «не мой» композитор, — пока не поняла: говорит он о прошлом, страданном, прошедшей жизни и любви.

Только бы успеть — это тоже ее девиз. Поэтому Образцова и научилась наслаждаться своей «каторжной» работой. И дома: прослушивает «колоссальное количество» музыки; и на гастролях тоже — возит с собой магнитофон, сидит над нотами до «черных мушек» и с нотами же засыпает. И ко всему гордится тем, что сама умеет читать ноты, без инструмента, как книжку: так учит свои новые произведения.

Не терпит и не понимает перерывов в работе. И в антракте все время «в роли», чтобы не растерять настроение.

Ей нужно многое уметь и понимать. Свой зарубежный репертуар, к примеру, поет на языке авторов; сама составляет подстрочник. Владеет французским, испанским, итальянским... Итого, на девяти языках — читает со словарем: «Музыкальная фразировка на всех языках различна».

Пение — великий труд. Когда что-то не получается и приходит огустость, какое-то жуткое отчаяние, Образцова думает: ведь это пение, моя работа, моя профессия. Профессия, в которой нельзя фальшивить.

Потому позволяет себе петь только то, что любит и чувствует.

И еще потому, что «пытаться не делать в жизни плохо — мое кредо. Но чуточку внимания, участия — и уже человеку лучше».

Пение — великое чудо. Оно — словно эликсир, возвращающий молодость, одаряющий талантом. Когда болела, загадывала: спю этот спектакль, стану здоровой.

Ей пишут: «Ваша милая, простая ласковость...» И певица старается внести свою, пусть маленькую лепту, чтобы сделать людей счастливей. Большая жизненная удача, выпавшая на ее долю: стараясь совершать это, она сама становится счастливейшим человеком...

М. МАКСИМОВА.

Фото А. АБАЗА.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

ОТ СЕРДЦА — К СЕРДЦАМ

«Королева вокала», «поющее сердце», «яркая жемчужина» — так восторженно отзывались советские и зарубежные газеты о Елене Образцовой, о певице, творчеству которой посвящаются эти строки

рецины... И душа замирает: «Ни за что не выйду». Но подошли паны, взяли под белы руки и повели.

Пришло признание. Лауреат Государственной премии РСФСР имени М. И. Глинки, народная артистка РСФСР.

Кавалер ордена Трудового Красного Знамени...

Опережая друг друга, газеты — на Родине, во Франции, в Испании, Венгрии: «Королева вокала», «Поющее сердце», «Яркая жемчужина»...

Оценки, заработанные великим трудом, и что бы там ни писали о даре природы — голосе, верно, да не до конца.

Работа — главная жизнь. «Партия — кусок жизни.

Вот образ, кажется, сделан, все понятно. А потом случается что-то: встречи, разочарования, переживания, болезни — переосмысливаешь свое отношение ко многому, и партия уже другая...»

Умение найти в оперной партии свое собственное эмоциональное состояние — искусство трудное. Потому средиссерами — пунктуалистами, точно закрепляющими мизансцены и требующими: от и до — она не ладит. Но ждет в процессе спектакля новых мыслей, новых находок, интуитивных озарений.

Чтобы найти самый верный штрих, обрести в спектакле свободу творчества, на репетициях Образцова себя не жалеет, делает больше, чем нужно: «Много радуюсь, страдаю, смеюсь» — все со словом «очень».

«Не перестрадаю в спектакле — фальшь. Плодотворно только чрезмерное, умеренное — никогда».

Вот как говорит о том главный режиссер Большого театра Борис Александрович По-

доса, и «Забывтый» Мусоргского, и «Отрывок из Мюссе» Рахманинова.

Большой советский актер Андрей Алексеевич Попов писал, что одно из условий творчества — научиться себя трогать...

Елена Образцова тратит себя самозабвенно.

На концерте в Большом зале консерватории, пропев два труднейших отделения, первое — с романсами Шумана и диклом «Любовь и жизнь женщины», требующими тончайших красок, поэтичности и чувства стиля; второе — Мусоргский, с его русской силой драматизма, психологичностью «Песен и плясок смерти», Образцова на бис поет еще целое отделение — самой разнообразной музыки. Мгновенно переключаясь от Генделя и Бетховена к «Сердилье» Визе, от негритянской колыбельной к нежнейшему Форе, Гранадосу.

Мне посчастливилось быть на репетиции, когда в Большом театре готовился к постановке «Трубадур» Верди. Елена Васильевна пришла, едва оправившись от простуды. Она сидела в темном зале, ежилась в накиннутый на плечи платок, покашливала. И все говорила: «Сегодня совершенно нечем петь». А потом как-то незаметно возникла на сцене. И я увидела обезумевшую от горя женщину, цыганку, рассказывающую в страшной песне, как погибло в огне ее дитя. Не было грима и костюма. Но было неподдельное страдание и голос, то опускающийся до низких грудных регистров: выражая муки, гнев, боль, то — легко взлетающий в высоком, совсем сопрановом легком звучании. И артисты, си-

близкий по темпераментному рисунку.

Характер героини у Образцовой всегда динамичен, всегда развивается, а потому удивляет, поражает, заставляет сопереживать, быть в напряженном ожидании: а что же дальше, что?

Ведунья Марфа в «Хованщине». «Спела быстро, как будто и не учила. Эта партия для меня какая-то хрустальная...»

Графиня в «Пиковой даме». Все не могла ее представить, пока не поняла: нужно не бояться быть и старой, и некрасивой... Пока не вспомнила свою тетку. Отец потом сказал: ты вышла точно, как Тая. И все же она устает от старости графини — в течение недели потом дрожат руки и в теле ощущается дряблость, тяжесть.

Фросья из «Семена Котко» Прокофьева. Первая характерная роль Образцовой, в которой она показала и незаурядное комическое даро-

КОЛОСОВА И НАВАДА
г. МОСКВА

7 ДЕК 1974